

Представьте себе один из самых ярких эпизодов ужаса своей жизни. Ну, например, на экзамене вы вытянули билет и поняли, что вообще ни в зуб ногой, даже не понимаете о чем речь. А это был ваш последний шанс не вылететь из универа. И перед глазами уже замаячили казарма, лопата, кирзовый сапог деда, летящий в лицо. Ладони и спина моментально покрываются липкой испариной, слюна становится вязкой, а в желудке, как будто, кусок льда. Добавьте к этим замечательным ощущениям шок от внезапно вылитого на вас ведра холодной воды и стыд, который можно было бы испытать в детстве, оказавшись голым перед всем классом. Вот примерно такие ощущения я испытал, когда зашел в кабинет нашего нового антикризисного управляющего. Там, вальяжно откинувшись в кожаном кресле, за огромным столом, заваленным личными делами кандидатов на увольнение, сидела моя бывшая девушка Ольга. Мы с ней не очень хорошо расстались. Если уж быть точным и правдивым — я ее бросил после почти четырех лет совместной жизни, в один прекрасный день сказав, что у нас ничего не получится и нам надо расстаться. За один вечер она собрала вещи и съехала и несколько месяцев мы с ней не общались. Потом отношения вроде бы начали налаживаться, хотя бы до уровня приятельских, но спустя почти год после расставания я женился на ее подруге Насте. Разумеется, ставшей после этого бывшей подругой Настей. Отношения мы держали в тайне до самой свадьбы, и если разрыв Оля мне еще могла простить, то факт, что я женился на ее подруге меньше чем через год после того как мы разошлись — никак. Прислав на прощание гневную СМС, выражающую все, что она обо мне думает, Оля напрочь исчезла из нашей жизни. Учитывая ее скверный характер, помноженный на обиду и ненависть — к счастью.

И вот, спустя два года, она сидит передо мной в должности антикризисного менеджера, имеющего право менять структуру компании и сокращать сотрудников, практически, по своему единоличному решению. Я сплю, ущипните меня! — Привет, Оль! — попытался я своим самым вкрадчивым и дружелюбным голосом. Получилось тихо и очень невзрачно. Оля продолжала что-то читать с экрана монитора, не обращая на меня никакого внимания. Я знал, что она знает о моем присутствии и просто растягивает удовольствие, наслаждаясь моментом. Впервые за это время у нее появился шанс отомстить, и я был уверен, что она им воспользуется в полной мере. — Привет, Оля! — чуть громче повторил я. — Ольга Владимировна — поправила она ледяным тоном, не отрываясь от монитора. — Здравствуйте, Ольга Владимировна! — Заявление подпишешь в отделе кадров, через две недели получишь оклад за три месяца и свободен. — даже не взглянув на меня, холодным голосом процедила Оля.

Оклад за три месяца! Учитывая, что почти 90% зарплаты я получал «в конверте», это смешно. В стране кризис, компании лопаются как мыльные пузыри, нефть дешевеет, доллар дорожает, жена без работы, у нас ипотека. Я работаю начальником отдела моделирования земных недр в нефтяной компании. Специалист я хороший, но профессия очень специфичная и кроме нефтянки идти мне некуда. А это отрасль, где все друг друга хорошо знают, и если полезут слухи, что тебя «нехорошо» уволили из одной конторы, твое будущее в другой под большим вопросом. Приехали. В горле пересохло, в висках стучало. Я стоял не шевелясь, не в силах ни сдвинуться с места, ни что-нибудь произнести. В голове мелькали

отрывочные мысли и образы: я в очереди на бирже труда (что это вообще за место такое, «биржа труда»?!), фотографии безработных из фильмов про Великую Депрессию в Штатах, мы продаем машину, нас выгоняют из квартиры за долги перед банком, мы ночуем на вокзале, падает метеорит, трещит лед, я копаюсь в мусорке, Настя сдает стеклотару, звучит «Under Pressure» Боуи и Меркьюри и над всем этим огромной красной неоновой вывеской мигают слова «Полный пиздец». — Оль... — с трудом выдавил я из себя охрипшим голосом. — Ольга Владимировна. — с упором на каждое слово произнесла она. — Ольга Владимировна... — Тебе что-то непонятно, Шестаков? Наконец-то она посмотрела на меня и улыбнулась. Но в этой улыбке не было ничего теплого — только злорадное удовольствие и наслаждение моим положением. Я смотрел на Олю, пытаясь придумать, что сказать, что мне вообще теперь делать, в тоже время краем сознания отмечая, что она только похорошела за эти годы. Ольга выкрасила волосы в огненно-рыжий цвет, уложила их в строгую прическу с коротким хвостиком и косой челкой, придававшей ей особенно стервозный вид. Впрочем, Оля и была стервозной. Даже в «мирном» настроении она вела себя так, будто где-то на глубинном уровне подсознания была убеждена, что она — центр Мира, а люди вокруг посланы сюда исключительно, чтобы ее ублажать. В «не мирном» же настроении Ольга превращалась в настоящую ведьму, словами и делами смешивающую людей с грязью. Наверное, я бы не продержался с ней в отношениях так долго, если бы не ее внешность и испепеляющий секс. В постели Оля превращалась в дикую похотливую кошку, буквально насилующую своего партнера, и мне это нравилось. Она была не только страстна, но и очень требовательна. Если ей хотелось секса, то для нее не имело никакого значения, хочу ли я, где мы находимся, сколько вокруг людей и кто может это увидеть. Мы занимались сексом в машине на общественной парковке, на пляже в кабинке для переодевания, я делал ей куннилингус в туалете самолета и в примерочной в магазине. Ей нравилось получать то, что она хочет и когда она этого хочет, а мне нравилось удовлетворять ее желания, хотя иногда ее «хочу немедленно здесь и сейчас» выводило меня из себя. Как это не стыдно признавать, но с женой я ни разу не получал такого удовлетворения и удовольствия. Мысли и воспоминания неслись в моей голове, пока я разглядывал ее ярко-серые глаза, навевающие мысли о похоти и разврате, сложенные в презрительной ухмылке губки, дорогой черный в полоску пиджак, белую блузку, расстегнутую почти до «границ приличия», узкую юбку до колен. Я знал, что под столом скрывались от моего взора Олины длинные стройные ноги, наверняка, затянутые в дорогие черные чулки и увенчанные не менее дорогими туфлями на высоком каблуке, в переносном смысле растаптывающие сейчас мою жизнь. — Оль... пожалуйста, не надо... Ноль реакции. Ольга продолжала что-то читать с экрана монитора, откинувшись в кресле поудобнее. Я стоял в нескольких метрах перед ее столом. как провинившийся школьник у директора в кабинете и изо всех сил пытался придумать чтобы сказать такое, чтобы меня не уволили. С одной стороны, я понимал, что самым правильным, возможно, было бы сейчас гордо развернуться и уйти. С другой стороны, уже через две недели нам будет нечем заплатить по ипотеке. Конечно на один взнос можно позанимать у друзей, но как быть в следующем месяце? Еще через месяц? Хорошо оплачиваемую работу по моей специальности можно сейчас искать по полгода, а то и больше, а банку достаточно одного просроченного платежа, чтобы востребовать возврат всей суммы кредита. А потом суд, передача залога, выселение...

— Оля... Мне очень жаль, что мы так... нехорошо расстались. Я поступил плохо, правда. Но не надо из-за этого меня увольнять. Я хороший сотрудник, правда! Ольга не сказала ни слова, не сделала ни одного движения, даже не перевела взгляд на меня. Однако я знал, что она меня прекрасно слышит и внимательно слушает. Просто ей было мало этого. Я набрал в грудь воздуха и сглотнул вязкий комок слюны в горле. — Оль, пожалуйста, прости меня. Я виноват перед тобой. По-прежнему ноль реакции. Мне всегда было очень тяжело извиняться, когда тебя полностью игнорируют. Не злятся. не сердятся, не обижаются — просто ведут себя так, будто тебя не существует. И, тем не менее, я должен был хотя бы попытаться. Ну и еще, я правда поступил с ней не хорошо, и мне хотелось извиниться за это. Просто подходящего случая не было. — Оля... Ольга Владимировна... Простите меня. Я поступил по-свински, и мне стыдно... — У меня так не просят прощения, — холодным голосом произнесла Оля, не отрывая взгляда от монитора: — «извини, я был неправ», возможно прокатывает с твоей тупой ванильной женушкой, но не со мной. Мое прощение ты должен вымалывать на коленях, вылизывая мне туфли. Повисла пауза, во время которой я особенно отчетливо слышал стук своего сердца и тяжелое дыхание. Ольга продолжала что-то читать с экрана, не обращая больше на меня внимания. Когда мы были вместе, она частенько отдавала приказы что делать, где ее целовать, как лизать, какую позу принять и тому подобное. Она любила, например, в шутку щелкнув пальцами, приказать мне вылизывать ее киску, стоя перед ней на коленях, а сама, закинув одну ногу мне на плечо, притягивать за волосы и направлять мою голову и язык себе в промежность. Она часто не снимала туфли во время секса, специально расцарапывая мне спину каблуками и ногтями, отвешивала пощечины, шлепала ножкой по щекам, засовывала в рот пальцы ног, чтобы я облизывал и обсасывал их. Иногда она меня связывала, приговаривая что-то вроде «В этот раз я буду тебя трахать», усаживалась своей упругой попкой мне на лицо и терлась своей горячей влажной киской о мое лицо, нос, губы, высунутый язык. Ее пот и выделения заливали мне глаза и рот, я задыхался под ее роскошной попкой, мне было больно от Олиных ногтей, царапающих мой живот, и все же, нам обоим это нравилось. Но, во-первых, это была игра, имеющая свое начало и свой конец. А, во-вторых, и самое главное, одно дело целовать ножки своей подружки во время занятий сексом, и совсем другое — вылизывать туфли своей бывшей, волею судеб ставшей твоей начальницей, вымалывая прощения за прошлые прегрешения и надеясь, что тебя не уволят. Это было бы очень, очень унижительно... и но в то же время, очень возбуждающе. Настя замечательная девушка, но в плане секса и страсти мы не очень подходили друг другу. То есть, поначалу, все было прекрасно — мне даже нравилось, что Настя куда нежнее и «спокойнее» в постели. Но спустя какое-то время, мне стало не хватать Олиной страсти, напора и жажды управлять мной. Да и спустя пару лет супружеской жизни, наше с Настей влечение друг к другу слегка поостыло. Секс стал скучнее и заниматься мы им стали реже, а когда я предложил Насте попробовать что-нибудь новенькое, подталкивая ее в сторону женского доминирования, она назвала все это омерзительным. Эту тему мы больше не поднимали, но, если честно, я не раз с тоской вспоминал секс с Олей.

И все же, повторюсь, есть огромная разница, между тем, чтобы вспоминать и фантазировать и делать на самом деле. С фантазией проще — кончил, убрал в дальний ящик и забыл на время, а вот всякое реальное действие имеет вполне реальные последствия. Какие последствия ждут меня, Настю, нашу семью, если я сейчас встану на колени и поползу вылизывать (о, я помню, какие они стройные, длинные, сексуальные) Олины ножки, как бы мне этого ни хотелось?

Очевидно же, что этим унижением дело не ограничиться и Ольга захочет получить гораздо больше. Более того, если раньше, пока мы были парой, между нами сохранялось определенное взаимоуважение, то теперь... Теперь я даже не знаю, чем это могло стать. И мне было страшно (и в то же время, мой член поднимался от этих мыслей), когда я начинал представлять все то, что Ольга могла заставить меня делать для нее.

Будто услышав мои размышления, Оля повернулась в кресле, как бы усаживаясь поудобнее. При этом она развернулась ко мне вполоборота и закинула ногу на ногу так, что ее черная туфелька с красной подошвой на высоком каблуке, затянутые в черные чулки изящные икры и колени, оказались прекрасно видны мне из-за внешней перегородки стола. Оля продолжала что-то читать, совершенно не обращая на меня внимания, и, как будто просто в задумчивости, покачивая ножкой и разминая стопу, поворачивая ее из стороны в сторону. Я сглотнул слюну, стараясь сделать это как можно тише. Так же совершенно случайно туфелька с Олиной ножки на половину соскользнула, открывая соблазнительный изящный подъем, повисла на кончиках пальцев и стала раскачиваться в такт движениям ноги. Я, что называется, «завис», глядя на эти покачивания туфельки, а Оля, тем временем еще подвинулась в кресле, так что моему взору открылись обе ее ножки почти до самой середины бедра. Я понимал, что чем дольше я, как замороженный, люблюсь Олиными ногами, тем ярче в моей голове проносятся воспоминания горячего секса с ней и тем меньше остается мыслей о каких-то там последствиях. Но я ничего не мог с собой поделать и, как загипнотизированный, скользил взглядом по ее фигуре. Воображение рисовало картины того, как я целую ее туфли, целую стопы, поднимаясь все выше и выше, целую и глажу ее бедра, наконец, припадаю губами к ее трусикам, вдыхаю незабываемый до сих пор аромат... «А Настя, в конце-концов, сама виновата: ведь я ей говорил, что мне нравится, могла бы хотя бы попробовать...» — пронеслось у меня в голове.

— Ты сам уйдешь, или мне вызвать охрану? — все так же не глядя на меня, спросила Оля. Наверное, это был самый лучший, и, возможно, последний момент, когда надо было просто развернуться и уйти. А дальше что? Я представил, как приду домой, расскажу Насте о том, что произошло. О том, что я теперь безработный, что к концу месяца нам будет нечем заплатить по ипотеке. О том, что я не знаю, как нам жить дальше, и что если я не найду столь же хорошо оплачиваемую работу в течение месяца — нас обоих ждет выселение из квартиры и долгая прогулка вниз по лестнице социального статуса. Впрочем, у нее-то всегда остается вариант бросить меня и уехать жить к родителям. Это мне деваться некуда. Ноги у меня стали мягкими, как вата. Что же мне делать?

— Оля... Ольга Владимировна... Если я попрошу прощения, Вы оставите меня в компании? — преодолевая стыд и краснея до кончиков волос, спросил я. Она снова не ответила. Ну да, в конце-концов, она мне уже дала понять, что ей надо. Вздыхнув, я медленно опустился на колени. Я ненавидел себя за слабость, за то, что не могу громко хлопнуть дверью и уйти, за то что готов пойти на эти унижения ради сохранения стабильности, за то, что предаю Настю, но больше всего за то, что в глубине души мне хотелось этого. Хотелось снова подчиняться Ольге и улаживать ее. Поцеловал ее туфельку, еще и еще. Я вдохнул полной грудью аромат ее ножек — слегка терпкую смесь запаха кожи, нейлона, духов и легкого привкуса пота. Этот аромат для меня был дурманящим, в голове закружилось — и стыд перед собой и перед Настей стал сменяться возбуждением. Я провел языком по гладкой коже ее туфельки и мой член начал быстро наливать кровью. — Пожалуйста, прости меня! — прошептал я, — мне очень жаль,

что я обидел тебя. Ольга снова не ответила, но на этот раз, она чуть подвинула свою ножку ближе к моему лицу. Расценив это, как знак одобрения, я продолжил лизать еще и еще, уже увереннее, тщательно проводя языком по всей поверхности туфельки. Оля, наконец-то, отвернулась от монитора и с интересом разглядывала меня, подперев голову рукой. Она старалась выглядеть безучастной, но я, все-таки, хорошо ее знал и по чуть расширившимся зрачкам, приоткрытым в надменной легкой улыбке губам, высоко вздымающейся при дыхании груди, видел, что ей нравится происходящее. Еще бы, вот это зрелище! Бывший парень, бросивший тебя и женившейся на твоей бывшей подружке, стоит на четвереньках и лижет твои туфли — мечта любой девчонки. Наши взгляды встретились, и она в деланном удивлении изогнула бровь. В ее глазах читалось нескрываемое наслаждение местью и молчаливое обещание, что это только начало издевательств надо мной. От этого взгляда по моей спине пробежали мурашки возбуждения. Стыд от униженности моего положения сейчас был катализатором возбуждения, член стоял колом и я продолжил с еще большей страстью облизывать ее туфельку, проводя языком по всей поверхности от носка к пятке. В этот момент я не мог понять, как вообще я могу променять каждодневное удовольствие ублажать эту девушку, унижаться перед ней и выполнять ее капризы и прихоти на что-либо еще. Мне искренне захотелось, чтобы время повернулось вспять и мы снова были вместе. — Ольга, пожалуйста, умоляю, прости меня! — куда громче и искренней повторил я.

— Про вторую не забывай, — сказала Ольга с усмешкой. Она не пошевелилась, и я наклонился еще ниже, к самому полу, чтобы дотянуться языком до второй туфельки. Ольга поставила мне уже «обработанную» ножку на затылок, прижимая мое лицо к полу. Я сидел на коленях, согнувшись в три погибели. Кровь прилила к лицу и от этой позы было тяжело дышать, но я старательно очищал языком пыль с Олиной обуви. Когда мне показалось, что черная лакированная кожа блестит достаточно, я прервался и снова произнес: — Пожалуйста, прости меня!

— Подошву! — холодным голосом приказала Ольга. Она продолжала сидеть, глубоко откинувшись в кресле, закинув ногу на ногу и положив руки на подлокотники. Я замешкался на несколько мгновений — все-таки, сверху ее обувь была достаточно чистой, но подошва... Это уже перебор. К тому же, чтобы дотянуться до нее языком, мне пришлось бы лечь на спину, подсунув голову под Олину ножку. Я посмотрел ей в глаза, но в них читалось только требование «или выполняй, или убирайся». Сглотнув, вздохнув и простившись с остатками гордости, я лег на пол, перевернулся на спину и подполз ближе к ней. Красная подошва ее туфельки зависла в нескольких сантиметрах над моим лицом. Я видел мелкие песчинки и серую пыль, прилипшие к ней. Моя бывшая девушка смотрела на меня сверху с надменной улыбкой, замерев в предвкушении и ожидании. Закрыв глаза, и преодолевая отвращение, я приподнял голову и осторожно провел языком по ее подошве, собирая всю налипшую грязь, пыль, мелкие камешки. Сглотнув, я продолжил лизать, про себя молясь не подхватить какую-нибудь инфекцию. Противно было только первые несколько «проходов», потом подошва Олиной туфли стала заметно чище и я вновь начал возбуждаться. Заметив это, она подвинула кресло и переменила позу, положив одну ногу мне на лицо, а второй уперевшись мне в пах и нащупывая сквозь ткань джинсов мой эрегированный член.

— О! Да я смотрю тебе это нравится! — звонко рассмеялась Ольга. Она была права. Мне это нравилось, я давно не испытывал такого возбуждения и от этого я чувствовал еще больший стыд и отвращение к самому себе. Я промолчал и продолжил работать языком. Но Ольге

этого было недостаточно. — Отвечай, тебе это нравится? — потребовала она, поглаживая ножкой там, где под джинсами прятался мой стоящий член. Не дождавшись ответа, она с силой надавила на него, но эта боль была приятна. Я был так возбужден, что готов был кончить от ее прикосновений.

— Да, мне это нравится, — тихо проговорил я, практически не отрывая губ от подошвы ее туфли. — Не слышу! — ухмыльнулась Ольга, несильно пнув меня носком туфли в лицо: — что там тебе нравится? Тяжело было признаваться в этом вслух... хотя, чего уж там — она и сама прекрасно все знает. Просто ей хотелось, чтобы я испытывал еще больший стыд и унижение. — Мне нравится... лизать Ваши туфли, — запинаясь сказал я. — Подошвы, — поправила меня Ольга. — Мне нравится лизать подошвы Ваших туфель. — Почисть вторую. Высунь язык — Ольга откатилась в кресле чуть в сторону и сменила позу. Теперь носок ее правой ноги упирался мне в пах, периодически надавливая на мой член, а левой ножкой она вытирала подошву туфли о мое лицо и высунутый язык. В этот момент я был без ума о того, что она со мной делает, я готов был кончить от ощущений, что моя бывшая в буквальном смысле вытирает об меня ноги.

— Хотел бы стать моей половой тряпкой? Хотел бы, вылизывать мои ножки и чтобы я каждый день вытирала туфли о твое лицо и твой язык? — спросила Ольга лукавым, но почти ласковым голосом. — Да, — честно ответил я. В тот момент я не просто хотел — я мечтал об этом, представляя какой бы насыщенной могла бы быть наша совместная жизнь. Я имею в виду, насыщенной моими сексуальными унижениями к взаимному удовольствию. — Полностью, — Оля снова пнула меня носком туфли в лицо, на этот раз, заметно сильнее. — Я хотел бы стать Вашей половой тряпкой, о которую Вы каждый день бы вытирали ноги, я хотел бы вылизывать Ваши ножки и подошвы Ваших туфель.

— Ты не заслуживаешь этого, — почти рявкнула Ольга. С этими словами она резко надавила обеими ногами на мое лицо и мой член, повторив по слогам: — не за-слу-жи-ваешь. У тебя была такая возможность, то ты сам ее просрал. Она поставила обе туфли на мою грудь и встала. Тонкие каблук очень больно уперлись в ребра, так что перехватило дыхание. Ольга покачнулась, поймала равновесие и замерла уперев руки в бедра и разглядывая мое краснеющее от недостатка кислорода лицо. — Твоя сучка дома? Я с трудом кивнул, сообразив, что речь про мою жену и стараясь не двигаться слишком резко, чтобы Ольга не упала. — Сейчас ты пойдешь туда и поцелуешь ее. Я хочу, чтобы эта сучка ощутила вкус грязи с моих туфель на своих губах. Думай в этот момент о том, как ты вылизывал мои подошвы и мечтал стать моим ковриком для ног. Ты понял?

Я снова кивнул, задыхаясь и чувствуя, что еще чуть-чуть и я могу потерять сознание. Какое-то время Ольга еще продолжала стоять на мне, улыбаясь и наслаждаясь своим положением. Затем она медленно слезла с меня, оправила юбку и взбившуюся прическу, и добавила, возвращая кресло на место к своему столу и усаживаясь: — Завтра в 9 утра будешь ждать меня около двери в мой кабинет. Продолжишь извиняться. Сказав это она снова уткнулась взглядом в монитор, потеряв ко мне всякий интерес. Медленно приходя в себя и пытаюсь осмыслить произошедшее, я встал, поправил одежду как мог, и направился к выходу. Когда я уже взялся за ручку двери, меня догнала еще одна инструкция: — И не смей кончать до тех пор. Смутившись я пробормотал что-то вроде «Я понял, Ольга Владимировна», и вышел из ее кабинета.